

Ситуативность всегда предполагает момент неопределенности, а неопределенность ситуативна, то есть зависит от обстоятельств; дополнительность невозможна без саморефлексивности, и все они вместе —

необходимое условие коммуникации. Подчеркивая динамический характер современной рациональности, мы даем разуму возможность реализовать себя в условиях сложного и быстроменяющегося мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. — М., 2002. — 352 с.
2. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
3. Рорти Р. Философия и зеркало природы. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. — 298 с.
4. Решер Н. Границы когнитивного релятивизма // Вопросы философии — 1995. — № 4. — С. 35–54.
5. Хьюбнер К. Критика научного разума. — М.: ИФРАН, 1994. — 326 с.
6. На пути к новой рациональности / Под ред. А.К. Сухотина. — Томск: Изд-во ТГУ, 2000. — 182 с.

УДК 305:947.083

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. РАЗНОЧИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИИ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ А.Н. ПОТРЕСОВА

Т.В. Кисельникова

Томский государственный архитектурно-строительный университет
Тел.: (382-2)-65-11-46

Анализируется точка зрения А.Н. Потресова — видного социал-демократа начала XX в. — на остро дискуссионный вопрос о социальной роли интеллигенции и ее отношения к социалистическому движению.

Творчество Александра Николаевича Потресова изучено очень слабо [1], а между тем — это фигура исторического масштаба не меньшего, чем В.И. Ленин и его антипод П.Б. Струве.

Вопрос о социальных функциях интеллигенции был вопросом о движущих силах социалистической революции и потому вызывал жаркие дискуссии среди российских социалистов разных направлений. Точка зрения А.Н. Потресова заслуживает внимания, потому что в ней синтезированы позиции двух ведущих течений российской социалистической мысли — марксистского и неонароднического и, следовательно, доказана сама возможность сближения их взглядов и в других вопросах.

Чтобы рельефнее высветить мнение А.Н. Потресова, мы приведем сравнительную характеристику (она, на наш взгляд, удачна) понимания проблемы социал-демократами и неонародниками, данную Р.В. Ивановым-Разумником.

Социал-демократы, отмечал он, выделяют общественные классы (например, пролетариат и буржуазию), которые разделены на различные социальные группы. Зрелось класса приобретает в ходе классовой борьбы, когда формируется «сознание общности интересов» представителей класса в целом, а не только лиц, принадлежащих к внутриклассовым социальным группам. На этой стадии и появляются «носители и проявители» классового сознания, это и есть интеллигенция определенного

класса и социальных групп внутри него. Интеллигенция же вообще — это сумма таких «разногрупповых» и «разноклассовых» интеллигенций [2. С. 168]. Другими словами, по мнению социал-демократов, внеклассовой интеллигенции не существует.

И тем не менее, указывал Р.В. Иванов-Разумник, на практике им приходится признавать существование таких интеллигентов и даже в собственной среде (например, марксисты непролетарского происхождения, да и вся история российского общественного движения, напоминая Р.В. Иванов-Разумник, изобилует такими примерами). Социал-демократы их признают, но считают все же исключениями из общего правила. Причина, по которой социал-демократы настаивают на исключительном характере указанных явлений, отмечал Р.В. Иванов-Разумник, очевидна. Признав эти факты постоянно существующими, они должны были бы отказаться от только «социально-экономического» критерия в определении интеллигенции и дополнить его «социально-этическим», а это, с точки зрения социал-демократов, — уже отступление от марксизма, которого допустить они не могут.

Неонародники же, писал Р.В. Иванов-Разумник, сам принадлежавший к этому идейному течению, полагают, что есть и «классовые идеологи», и, помимо них, «внеклассовая» интеллигенция. Внеклассовая интеллигенция — это социальная группа, неоднородная по своему социальному происхождению,

лица, в нее входящие, по-разному могут оценивать окружающую действительность, расходиться в вопросах о способах борьбы, но их объединяет, по мнению Р.В. Иванова-Разумника, «этический уровень сознания, ... общая борьба с общим врагом за творчество новых форм жизни, за физическое и духовное освобождение личности» [2. С. 178]. То есть у неонародников на первый план вынесен «социально-этический» критерий в определении интеллигенции, но Р.В. Иванов-Разумник подчеркивал, что не отбрасывается и «социально-экономический» тоже.

Теперь рассмотрим суждения А.Н. Потресова. Его взгляды на интересующую нас проблему изложены в серии статей 1896–1906 гг., объединенных в сборнике «Этюды о русской интеллигенции». Важно то, что это – статьи полемического характера. Полемизирует он с П.Б. Струве, вернее, с его высказываниями о социальной роли внеклассовой интеллигенции, которые в существе своем отражали позицию российских марксистов вообще. В книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.) П.Б. Струве писал, что «бессловная интеллигенция, если под ней понимать нечто, существующее отдельно от экономически господствующих классов, не может быть реальной общественной силой; это – всего лишь «кучка идеалистов», которая, при всей своей «интеллектуальной мощи», при всем своем «этическом значении» в социологическом отношении есть *«quantité négligeable»* [3. С. 18–19]. Вот этот тезис и подверг критике А.Н. Потресов. По его мнению, данное утверждение неверно ни практически, ни теоретически. Что касается практики, то А.Н. Потресов напомнил недавнее российское прошлое – «хождение в народ». Если бы «бессловная» интеллигенция в 1860–1870-е годы была «кучкой», указывал он, то вряд ли она смогла бы организовать движение, охватившее (даже по официальным данным) 37 губерний [4. С. 152]. Кроме того, неоспоримым фактом, подчеркивал он, является то, что именно деятельность разночинной интеллигенции той поры «возбудила глубокое брожение» в обществе, дивившееся десятилетия и оставившее «неизгладимый след в русской литературе» и «не стираемую печать» на психологии значительных социальных слоев. Таким образом, утверждал А.Н. Потресов, «разночинную интеллигенцию» вполне можно назвать «бациллой русского освобождения» [4. С. 152] и это – важнейшая социальная функция. С теоретической точки зрения утверждение П.Б. Струве, полагал А.Н. Потресов, является отражением упрощенного толкования теории исторического материализма, когда абсолютизируются социально-экономические факторы и игнорируются социально-психологические, в том числе, этические.

Сам А.Н. Потресов считал, что у каждого класса вырабатывается своя интеллигенция, но, кроме того, складывается на основе этических воззрений и межклассовая интеллигенция, которая в периоды «безвременья», когда силы прогрессивного класса еще недостаточны для выделения из своих рядов

классовых интеллигентов-идеологов, может взять на себя дело защиты прогресса. Здесь позиция А.Н. Потресова смыкается с неонароднической. Но, в отличие от неонародников, он отмечал у внеклассовой интеллигенции неустойчивость, именно потому, что она межклассовая, то есть ей приходится опираться главным образом на этику. В этом пункте он приближался к точке зрения российских марксистов. Но от них отличался он тем, что считал внеклассовую интеллигенцию (при всех ее недостатках) органичной частью социалистического движения.

Утверждения социал-демократов о невозможности существования межклассовой интеллигенции он опровергал обращением к истории разночинной интеллигенции не как разнородного конгломерата, а как социальной группы с отчетливо выраженными присущими ей свойствами. Причем процесс формирования этой социальной группы, полагал А.Н. Потресов, можно объяснить именно с позиций марксизма, понимаемого во всей своей полноте, то есть не игнорируя роли психологии. Кроме того, свойства разночинной интеллигенции позволяют понять, почему марксизм – пролетарская идеология – была воспринята в России непролетарскими разночинцами.

Он ставил вопрос – что сплачивало «разночинцев», что заставляло «нашу литературу сочетать с именем «разночинец» представление о некоторых определенных психологических чертах, что позволяет нам, наконец, назвать его общественной силой?» [5. С. 90]. И отвечал: **«Определенное положение его на ступенях социальной лестницы»** (выделено мною. – Т.К.) [5. С. 90]. Как видим, указывал А.Н. Потресов, марксистский подход позволяет понять психологию членов социальной группы как производную ее общественного положения. И лишь в этом случае становится понятным само происхождение русского марксизма и «пережитые им метаморфозы (в России – Т.К.), и тяготеющий над ним в настоящее время (1900 г. – Т.К.) кризис» [4. С. 151].

Другими словами, если дан «известный комплекс общественных идей» и надо выяснить «отражением какой общественной формации, какого общественного пласта является этот комплекс?», то начинать выяснение, считал А.Н. Потресов, следует с изучения «психологии, настроения, ... сплетающихся с данным идейным комплексом». А это выведет, в свою очередь, на социальную группу, занимающую определенное место в структуре общества [5. С. 92]. Он отмечал, что «идейные формы, в которые облекается психологическое содержание, могут быть весьма разнообразны, но до тех пор, пока социальное положение «разночинца» ... остается прежним, не изменяется и его психологическая физиономия» [5. С. 91–92].

Таким образом, вырисовывается следующая логическая цепочка: положение на социальной лестнице определяет определенные психологические черты членов социальной группы, а «психологическое содержание», опирающееся на этические представления, выражается в разнообразных «идейных формах», то есть, в представлениях о необходимом

социальном порядке, которые и становятся мотивами определенного социального поведения членов данной социальной группы.

Что касается разночинной, внеклассовой интеллигенции, являющейся не самостоятельным общественным классом, а слоем, граничащим с различными слоями интеллигенции и классов, то она имеет свойство «окрашиваться» в их цвета, то есть воспринимать их идеи в большей или меньшей степени, но сохраняя при этом основные свои качества, как «радикального слоя», сложившегося в особых условиях.

Эти выводы следуют из анализа процесса формирования в России разночинной интеллигенции, проведенного А.Н. Потресовым. Время ее формирования — это период, когда общество всколыхнулось под действием реформ 1860–1870-х годов и молодежь из провинций потянулась в города. Именно в студенческих кругах, «за товарищеской беседой, под несмолкаемый гул бесконечных споров отливала новая среда, новый общественный слой» [4. С. 155]. Причем не последнюю роль в складывании мировоззрения разночинцев играла этика. А.Н. Потресов отмечал, что выходцы из состоятельных семей поражались «нравственной силе» выходцев из социальных низов и именно здесь, по его мнению, находятся истоки появления в России психологического типа «кающегося дворянина». Но не «кающийся дворянин», а «разночинец» «наложил печать своего мощного духа на русский **интеллигентный пролетариат**. Жизнь доделала остальное и **выковала своеобразную психологию разночинной интеллигенции**» (выделено мною — Т.К.) [4. С. 155–156].

Здесь он вводит новое понятие «интеллигентный пролетариат». Применительно к интеллигенции «интеллигентный пролетариат» является, по Потресову, ее «радикальным слоем» или интеллигенцией в специфически русском значении этого слова. Поскольку в его текстах термин «интеллигентный пролетариат» употребляется как синоним разночинной интеллигенции, то, следовательно, и как синоним интеллигенции в русском смысле слова, и «радикального слоя» интеллигенции.

«Интеллигентный пролетариат или его русская разновидность — разночинная интеллигенция, — писал А.Н. Потресов, — (это) своеобразная формация, без определенных очертаний, непосредственными переходами в целом ряде профессий связанная с буржуазной интеллигенцией, поэтому этот слой неустойчивый — «значительная часть его членов неустанно карабкается вверх» [4. С. 156]. Это обстоятельство очень затрудняет складывание «интеллигентного пролетариата» («радикального слоя интеллигенции») в любой стране, поэтому нужна «специфическая комбинация определенных общественных условий», чтобы этот слой сложился.

В России такими условиями стала ситуация, «когда старое рушилось, а новое еще не настроилось ... гимназии, университеты и другие места скопления подрастающей молодежи стали импровизированными организациями беспокойного демокра-

тического люда», когда «на рынок страны выбрасывалась масса интеллигентного человеческого материала, с великим трудом или совсем не находящего себе применения», когда общественно-политическая жизнь лишь начинала складываться, а «городской и сельский рабочий человек либо безмолвствовал, либо, зашевелившись, не успел еще выдвинуть в достаточном количестве **своей интеллигенции**» (выделено А.П.); когда «зловещее дыхание ... самодержавного режима» усиливало «солидарность представителей интеллигентного труда» и росла «гегемония их левого, самого решительного фланга» [4. С. 157].

Однако разночинная интеллигенция — это не «только пестрый kaleidoscope разнообразнейших идейных воздействий», как может показаться, но и слой, настаивал А.Н. Потресов, имеющий свою «центральную идею» — **демократизм** (ненависть к той атмосфере, где человеку нельзя сознавать себя человеком, а только верноподанным, где каждое свободное слово конфискуется, как контрабанда, а обладатель его получает почетное в нашем отечестве звание государственного преступника» [4. С. 161] и **революционность** («разночинец» отвергал старый мир с его вековой неправдой и из «отрицания выросло утверждение, ... на обломках настоящего созидалась церковь будущего, ... грезились осуществление всемирного счастья!» [4. С. 161–162]).

А.Н. Потресов признавал, что разночинец периода «бури и натиска» был утопистом [4. С. 163], что им двигало чувство, а не научное знание общественных отношений. Осознавая «коренное противоречие своего общественного существования» (заключавшееся в том, что, с одной стороны, «непосредственное чувство диктовало ... грандиозные планы социального переустройства» и, с другой стороны, «то же чувство говорило», что она бессильна), разночинная интеллигенция выходила из этого «психологического тупика» нашла в «своем культе народных масс». Под народом разночинцы понимали крестьянство, что в тот период, утверждал А.Н. Потресов, было закономерным.

С исчезновением веры в крестьянство начинает гаснуть и революционность, а с ней и демократизм (это было характерным для 1880-х годов), затем «европеизирующая жизнь» выдвинула новые силы и «спрыснула увядавший до времени слой живой водой пролетарской стихии». «Растущее рабочее движение отразилось в сознании разнообразных общественных групп и — что особенно важно для нас, — подчеркивал А.Н. Потресов, — создало точку опоры для разночинной интеллигенции» [4. С. 158–159].

Вот этот этап в развитии русского марксизма, связанный с ростом рабочего движения, когда утвердился несколько упрощенный взгляд на интеллигенцию — огульное отрицание ее роли или игнорирование ее — по мнению А.Н. Потресова, и зафиксирован в позиции П.Б. Струве. Между тем это — совершенно неверная позиция, считал А.Н. Потресов, поскольку у русской разночинной интеллигенции немало заслуг, и главная из них заключается

в том, что она сумела сказать «свое слово». Именно с пробуждения разночинной интеллигенции, настаивал А.Н. Потресов, берет начало «упорная, долгая, то замиравшая, то вновь загорававшая борьба с существующим строем, которая наполнила собой четыре последующих десятилетия (на 1900 г. – Т.К.) и последняя разновидность которой есть новейшее движение русской марксистской интеллигенции» [4. С. 156]. В новом составе разночинной интеллигенции растет число «маленьких культурных работников – учителей народных школ, фельдшеров, служащих в земских и иных учреждениях» и брожение в их рядах обещает «более прочный демократизм, чем демократизм вчерашнего студента, а сегодняшнего чиновника» [4. С. 157–159].

Так что русской социал-демократии, по мнению А.Н. Потресова, следует считать «новую разновидность разночинной интеллигенции немалым приобретением нашего века. И надо суметь воспользоваться этим приобретением – надо суметь связать неведомых и невидных интеллигентов ... с общепролетарским движением».

Таким образом, из анализа А.Н. Потресова становится очевидным, что, помимо классовой интеллигенции, может существовать и внеклассовая интеллигенция или, иначе, «интеллигентный пролетариат», «радикальный слой интеллигенции», интеллигенция в специфически русском смысле слова. Это – социальная группа, членов которой объединяет развитое чувство справедливости, этическая

чуткость; социальная функция этой социальной группы – будить мысль и совесть общества, формировать представления о социальном идеале. Или, говоря словами А.Н. Потресова, интеллигенция – это «вечно ферментирующее, вечно будящее начало, незаменимый передаточный механизм для идейных воздействий ...» [6. С. 299]. Конечно, отмечал А.Н. Потресов, эта роль, «относительно подчиненна, но все же ответственна» [6. С. 299], но это – ее естественная роль: межклассовая интеллигенция не может заменить собой поднимающегося прогрессивного общественного класса, но она может помочь ему в осознании своих идейных задач.

На наш взгляд, точка зрения А.Н. Потресова является наиболее правильной в споре между неонародниками и марксистами и сохраняет свою актуальность сегодня, поскольку методологический подход, которым пользовался в своих исследованиях А.Н. Потресов, это – марксизм, критически развитый и обогащенный неонароднической установкой на высокую оценку психологического и этического факторов в общественных отношениях.

Что касается роли внеклассовой интеллигенции, то, несмотря на высказываемые иногда мнения, что интеллигенция в специфически русском смысле слова прекратит свое существование на стадии позднего индустриализма или постиндустриализма, жизнь показывает, что необходимость в подобной социальной группе не только не снижается, но, напротив, увеличивается. Но это – уже тема другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политическая история России в партиях и лицах / Под редакцией В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1993. – С. 58–70.
2. Иванов-Разумник. Что такое «кающиеся разночинцы»? К вопросу о «Вехах» // Иванов-Разумник. Об интеллигенции. – Изд-е 2-е. – СПб.: Б.и., 1910. – С. 160–198.
3. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – Вып. 1. – СПб.: Б.и., 1894. – 287 с.
4. Потресов А.Н. Что случилось? // Этюды о русской интеллигенции. – СПб.: Б.и., Б.г [1906]. – С. 151–179.
5. Потресов А.Н. О наследстве и наследниках // Потресов А.Н. Этюды о русской интеллигенции. – СПб.: Б.и., Б.г [1906]. – С. 90–122.
6. Потресов А.Н. О кружковом марксизме и интеллигентской социал-демократии // Этюды о русской интеллигенции. – СПб.: Б.и., Б.г [1906]. – С. 270–299.